

БЫСТРОГО РЕЗУЛЬТАТА НЕ БУДЕТ...

(интервью с генеральным директором «Завода Электроники и Механики»
Станиславом Иосифовичем Ляпуновым)

— Проблема фальсификации есть во всем мире. Но, изучая посвященные этой проблеме документы Orgalime, ловишь себя на мысли, что у нас в России какая-то особенная фальсификация: более наглая, откровенная, бесстыжая... более «кондовая», что ли.

— Это не «особенность фальсификации». Просто у нас другое соотношение между условиями (сформировавшимися интересами и типичными действиями собственников), которые позволяют фальсификаторам получать ту норму прибыли, которая привлекает их в этот «бизнес». И прежде всего, в России значительно большая доля потребителей, которые не озабочены качеством продукции, и которым глубоко наплевать, что произойдет с технической системой, за которую они отвечают. Это коренное отличие, которое позволяет фальсификации цвести у нас пышным цветом.

— А разве поведение производителей в России не отличается?

— Да, можно сказать и об этом. В развитом мире производители сильнее объединены во всевозможные союзы, с помощью которых (при том, что и внутри этих союзов есть противоречия) больше спланируются для борьбы с фальсификацией. Это вторая особенность: у нас еще не вызрели профессиональные союзы, ассоциации, которые способны эффективно противостоять фальсификаторам.

— Но, состоит ли производитель в каком-то союзе или нет, от него самого для борьбы с фальсификацией требуются какие-то затраты — допустим, на регистрацию своего товарного знака. А у нас, мне кажется, многие к этому не готовы. Они всё чего-то ждут от государства, от союзов и ассоциаций, от кого угодно ещё, но сами никаких действий не предпринимают. Разве нет?

— Да, это действительно присутствует; существует и такая проблема. Но давайте задумаемся, почему таково поведение производителей? Потому что люди не верят: «чего дергаться, если от государства всё равно не дождешься реакции!» А ведь мы понимаем, что государство начнет действовать более энергично и более эффективно только в том случае, если некая проблема в обществе будет поднята до такой степени общественного звучания, будет с такой частотой или с таким количеством децибел «озвучиваться», чтобы «выйти на первые страницы», стать приоритетной. А если звучат только слабенькие отдельные голоса, не объединенные в мощный хор, то к этому относятся так: «Ну, что ж? Да, есть такое явление жизни, но не самое страшное».

— А что сделает государство, если голоса зазвучат громче? Ведь в законах у нас всё есть. Мы не можем, не нарушая либеральные принципы, дальше усиливать уголовный кодекс. У нас приличное гражданское законодательство, в том числе нормы по защите интеллектуальной собственности...

— Должен с Вами согласиться. Потому я и не делаю упор на необходимости изменения законодательства. В 90% случаев проблемы возникают не из-за отсутствия

закона, а из-за того, что нет механизмов, которые позволили бы обеспечить применение этого закона.

Поэтому, если задать вопрос: можно ли сегодня победить фальсификацию с помощью закона и с помощью государства, мы должны ответить: нет, не получается. И основная причина — это то, что многие не хотят обращаться к закону, чтобы защитить свои права. В чем причина явления? Лень? Нет. Это — полное неверие в то, что с помощью этого закона можно что-то сделать. Почему? Потому что ты можешь проделывать колоссальную работу зря. Мы в этом убедились на практике, когда по одному делу собственными силами собрали доказательную базу. Ясно, что такие доказательства не могут быть приняты в суде. Но следователь может их перепроверить, предъявить обвинение и передать дело в суд.

Итак, мы проделываем огромную работу, передаем документы следствию и говорим: «Вот, ребята. Государство не смогло дать вам ресурсов: времени, машины, оплатить командировочные. Что ж, мы сами всё собрали. Пожалуйста, вам остается лишь перепроверить, — а это уже стоит одну десятую от того, что затрачено нами». И что? И — ничего! Ничего не происходит!

Сколько людей после трех фактов одинакового характера будут повторять всё в четвертый раз, вновь собирать доказательства? Про таких говорят, мол, фанаты, больные. Надпочечники у них неправильно работают, выбрасывают гормоны не те, которые нужны. А обычный человек скажет: да ну его, не надо, не буду я больше деньги зря тратить.

— Но не совсем же все так «глухо»?

Какой-то реакции добиться все же можно?

— Конечно. Вопрос в том, сколько это будет стоить...

— А почему во многих случаях государство не может или не хочет реагировать?

По разным причинам. Может быть, у него приоритеты сейчас другие. Как-то мне один крупный чиновник честно сказал: «Ты идешь с заявлением на *такие* суммы?! Это для *тебя* они «большие». А на фоне тех заявлений, которые лежат у меня — семечки». Вот и сработал элементарный принцип, которым пользуется любой из нас: «расставь приоритеты».

А есть другая причина. Как-то в прямом эфире выступал замминистра здравоохранения. Ему задали вопрос: «Почему вы ничего не делаете?! Фальсификация лекарств достигла масштабов, опасных для здоровья нации!» А он в ответ называет цифру оборота нелегальной продукции: «Представьте себе бизнес, имеющий такой оборот, — какую он может выставить силу для защиты?»

— Но если мы говорим, что 50% рынка арматуры сегодня фальсифицировано — это означает, что суммарный оборот всех легальных производителей арматуры сравним с оборотом фальсификаторов, и их возможности защиты таковы, что...

— Да. Это значит, что прямая атака потребовала бы от нас огромного количества ресурсов и такого же объедине-

Станислав Иосифович Ляпунов

Тема номера. Фальсификация

ния интересов. Этого не получается. Что можно сделать? Со стороны делового сообщества — расшатывать оборону с помощью отдельных уколов. А со стороны государства — бить по фундаментальным вещам.

— **Но государство-то пассивно! И выходит, среди двух противоборствующих сторон, примерно равных по силам, одна имеет экономические преимущества, поскольку не соблюдает закон, не платит налоги. А государство, «сохраняя нейтралитет», обрекает на поражение именно «своих» — тех, кто наполняет его бюджет. Это называется «подстава»! Ведь именно активность государства должна уравнивать условия противостояния. И получается, что мы занимаемся обреченным делом.**

— Нет, не обреченным. Любое расшатывание этого бастиона неизбежно будет приводить к тому, что, когда государство сможет со всей силы ударить по нему, — эту проблему удастся решить быстрее.

Ну, вот посмотрите на развитие малого бизнеса. Разве можно сказать, что наше государство не понимает, что развитие малого бизнеса в нашей стране решает колоссальное количество проблем: занятости, криминальной обстановки, политической и экономической стабильности. Малый бизнес — та трава, без которой ландшафт экономики пустой, незавершенный, ущербный. Где он утоплен? Государство хочет его развивать — во всяком случае, декларирует это. Но дальше правильных слов дело не движется, поскольку чиновничий аппарат государства всё «сжирает» напрочь!

— **Ага! Получается вот что. Мы, когда говорим «государство», должны четко понимать, что мы имеем в виду. С одной стороны — высшие органы власти, где сидят вменяемые люди, которые понимают многое и пытаются что-то сделать. Но у них свои проблемы и своя система приоритетов. А есть вот эти местные чиновники в судах, в надзорных органах — тоже «государство». Причем люди общаются именно с ними, они же не общаются с Фрадковым, они его только по телевизору видят изредка. А поскольку мы мало «шумим» о своей проблеме, центральные органы не воспринимают её настолько всерьез, чтобы непосредственно ею заняться, — и тогда фактически власть переходит «на места», где интересы многих мелких чиновников... скажем так, далеки от государственных. И именно в этом болоте всё и вязнет.**

— Все правильно. И общество реагирует соответствующим образом: оно просто не верит в то, что государство на что-то способно.

Вот посмотрите. Нас от Чернобыльской трагедии отделяет меньше половины срока человеческой жизни, а какие разительные перемены! Когда Чернобыль «рванул», директор вот этого завода «Промприбор» — он не спал до тех пор, пока не появились выводы комиссии о причинах аварии. Многие не спали. Главный конструктор станции — застрелился. А что сейчас, когда происходят аварии серьезного масштаба, где есть жертвы, разрушения? Кто в этот момент не спит? Большая часть людей, инспектирующих и производящих, — убеждены, что до них добратся невозможно, что никто не пострадает, что никого не посадят.

— **Может быть, люди не спали вовсе не потому что им страшно было, а потому что они некую личную ответственность чувствовали, причастность? И застрелился человек не из-за того, что боялся, что его посадят, а потому что жить же нельзя с таким ощущением вины.**

— Конечно. Но мы говорим о том, что люди сейчас не верят в государство: ни в то, что оно способно помо-

гать, ни в то, что способно карать. И ведут себя соответственно.

Вот один пример. Будучи в Англии, я наблюдал такую картину. В лондонском метро произошел некий инцидент... неважно, какой. А там в каждом вагоне есть кнопка вызова полиции. И оказалось, что эта кнопка в том вагоне, где мы ехали, не работает. Инцидент-то себя быстро исчерпал. Но женщина, которая нажимала эту кнопку (а я вышел вместе с ней на платформу) — думаете, она пошла по своим делам? Нет, она нашла дежурного по платформе, рассказала, что в таком-то поезде, в таком-то вагоне такая-то неисправность, и не уходила до тех пор, пока дежурный не записал всё это в журнал! Для Англии — вполне естественное поведение. А теперь представьте себе эту ситуацию в России.

— **Ну, есть немногие люди, которые так себя ведут, но они воспринимаются окружающими как скандалисты, зануды.**

— Мы говорим о тенденции. Если в Англии такое отношение к жизни, к обществу, к государству охватывает значительно большее количество людей, чем в России — там общество по другому реагирует и на проблему фальсификации.

— **Значит, корни проблемы не в государстве, а в состоянии самого нашего общества. «Каждый народ достоин своего правительства». Ну и какие тут союзы, какие децибелы? Чем громче ты кричишь о проблеме — тем большим идиотом выглядишь в глазах «неверующих». И все бесполезно...**

— Не бесполезно. Просто быстрого результата не будет. Но не начинать работать сейчас — значит, не сделать никогда. Поэтому приходится двигаться по длинному пути. К сожалению, наша страна сейчас — это страна «спринтеров». А «стайеров» очень мало, во многих областях. И вот этот дефицит «длинного мышления» — он и приводит к тому, что недостаточно сил у объединений, у тех структур, которые позволили бы влиять на фундаментальные вещи. Именно, в данном случае речь о правоприменении, то есть о создании условий, чтобы мы были правовым государством. А мы пока государство не правовое, мы государство, строящее правовую систему.

— **Итак, мы живем там, где живем: в стране, где потребитель не ценит качество, производитель не верит государству, потому что оно бездействует...**

Вот я — отдельное предприятие. Я все понимаю, я знаю, что живу в России. Ну и какой мне прок что-то делать: тратить деньги, собирать доказательную базу. Ведь наверняка зря. Может, просто махнуть рукой: ну, производятся фальшивки — и производятся.

— У меня рецепта нет. Я могу только сказать, что, действительно, рассматривая проблему фальсификации, мы приходим к очень грустным выводам: в ближайшее время это явление победить нельзя.

— **И что же делать?**

— Первоначально ответить себе на вопрос, который стоит перед каждым человеком, перед каждой компанией: сколько ресурсов я готов выделить без получения сиюминутного результата, но во имя создания условий, в которых мы будем жить в будущем? Такой вот философский вопрос.

— **По сути: верю ли я в будущее?**

— Не просто «верю — не верю», а — хочу ли я быть рядом с теми, кто будет прокладывать новую лыжню по целине? Или моя позиция такая: пусть проложат лыжню, я потом по ней поеду с удовольствием. Вот строится храм, который увидят только наши потомки. Вопрос: хочу ли я отработать несколько воскресений на строительстве этого

храма, бесплатно? Чтобы мои внуки, и просто другие люди, которые будут жить после меня — воспользовались плодами моего труда? Первоначально нужно себе ответить на такой вот вопрос. Мой ответ таков: я — хочу! И я это делаю.

— **«Каждый выбирает для себя»...¹**

— Если ответ положительный, то второй вопрос: могу ли я предпринять сегодня какие-то текущие, тактические шаги, которые могут дать хоть какой-то результат? Оказывается, да, при всем пессимизме, локального выигрыша можно добиться за счет ряда реальных действий.

— **А в чем результат таких действий? Прибыли же не будет, одни затраты.**

— Результат заключается в снижении доли рынка, занятого фальсифицированной продукцией. Здесь нужно уже мыслить не категориями борьбы с фальсификацией, а категориями борьбы за долю рынка. Если известен объем продаж фальсификаторов, — мы можем посчитать, сколько денег со своего рынка мы им отдали. И дальше мы должны прагматично оценить, сколько из этой доли, из этого объема можно реально отыграть.

В данном случае мы говорим о необходимости принятия соответствующей стратегии развития бизнеса. Если фальсификаторы процветают — значит, у них есть круг потребителей, есть такая потребность. Вопрос: ты хочешь работать с этой потребностью, или нет. Если нет — не нужно прикрывать это борьбой с фальсификацией. Ты просто принял решение уйти из сегмента тех клиентов, которые будут покупать продукцию, ориентируясь исключительно на цену. А фальсифицированную ли, не фальсифицированную — это уже не имеет для них значения.

— **И какие меры предпринимать?**

— Первое. Все-таки разобраться в законах о защите интеллектуальной собственности и начать их использовать. Да, мы столкнемся с тем, что иные суды не знают, как их применять. Иногда представители государственных органов вовсе не хотят этим делом заниматься. Но при известной настойчивости (и затратах) можно в некоторых случаях доводить дело до конца. И порою греет только такая вот мысль: я выиграл сегодня, потратив огромные усилия, — но выиграл! А чем больше мы гирек бросим на эту чашу, чем больше создадим прецедентов — тем скорее будет меняться общественное мнение. И, значит, вероятность каждого следующего выигрыша будет повышаться.

Следующий момент — нужно стремиться выстроить отношения с потребителем. Для начала давайте отсегментируем нашего потребителя. Потому что есть тот, кто дает себя обмануть сознательно, в силу разных причин. А есть тот, кто отзовется и скажет: «Дайте мне тест, чтобы сразу, без особых затрат отличить подделку — и я с удовольствием буду им пользоваться». С такими клиентами нужно выстраивать отношения, дабы максимально облегчить им ответ на вопрос, фальшивка или нет. И чем шире будет сообщество, где серьезный потребитель и изготовитель готовы потратить силы на выстраивание отношений друг с другом, — тем общество быстрее будет развиваться в нужном направлении, и тем неуютнее будет фальсификаторам. Это второй момент.

Третий момент. Есть технические способы защиты, которые позволяют изготовителю или контролирующему органу отличить сертифицированную продукцию. Да, на-

¹ Юрий Левитанский: «Каждый выберет для себя/ Женщину, религию, дорогу./ Дьяволу служить или пророку - /Каждый выбирает для себя...»

ша система сертификации дискредитирована до такой степени, что любой сертификат можно сделать. Но, тем не менее, когда-то наступает час истины. Когда при эксплуатации происходит какая-то неприятность — «вдруг» обнаруживается, что «сертифицированная» продукция никогда и не соответствовала сертификату. И тогда, при известной настойчивости, можно зацепить и того, кто этот сертификат выдавал. Делая такие шаги, мы повышаем барьер, который нужно преодолеть фальсификатору для вхождения в бизнес. Чем выше будет этот барьер — тем меньше людей его преодолеет.

Следующий момент — нужно влиять на общественное сознание среди потребителей. Что это значит, и, если говорить об арматуре и приводах, какой здесь, на мой взгляд, наиболее важный момент? Учитывая, что арматура во многих случаях работает на поднадзорных объектах, — нужно максимально информировать общество, потребителей, органы контроля о тех случаях, когда из-за использования фальшивок происходят нештатные ситуации, связанные с большими экономическими потерями и, самое главное, потерями жизни людей. Вот задача для нашей Ассоциации!

— **Ну, если подобная информация будет поступать в журнал, — мы её... будем публиковать («с удовольствием» — здесь звучит неуместно).**

— Но для того, чтобы эта информация появлялась, нужны определенные действия. Именно Ассоциация имеет возможность провести переговоры с Госкомстатом на предмет статистики несчастных случаев на поднадзорных объектах. Затем нужно потратить некоторые силы для того, чтобы провести анализ этих данных, экспертизу отдельных случаев. Вот тогда мы получим достоверную информацию для публикации.

Крупнейшие потребители: РАО ЕЭС, Газпром, нефтяные компании — все они тоже имеют в своей структуре управления, отвечающие за безопасность и накапливающие статистику, где что происходило. С ними тоже нужно вести переговоры. И чем больше мы будем друг друга взаимно информировать, показывать, к каким реальным потерям приводит использование фальсифицированной продукции — тем скорее в общественном сознании произойдет вот этот щелчок: «Ой, оказывается, не так уж безобидна эта проблема!»

— **И в то же время, не кажется ли Вам, что многие не только члены Ассоциации, но и участники рынка слегка переоценивают возможную роль НПИА, глядя на нее как на некое министерство, которое всё за них сделает. И, таким образом, наличие Ассоциации в каком-то смысле лишает их собственной активности. Они считают: вот Ассоциация пусть делает, а мы потом «пойдем по проложенной ею лыжне». А ведь на самом деле, Ассоциация — это всего лишь некий интегратор усилий, а сами эти усилия должны быть приложены кем-то ещё.**

— Я абсолютно с Вами согласен. И до тех пор пока будет потребительское отношение к Ассоциации как к некоторому органу, который чего-то там должен делать совершенно самостоятельно, а не как к *инструменту* реализации общих интересов, — эффективно она работать не будет.

...Никто не станет вести переговоры с залом в 100 человек. Значит, нужно договориться, чтобы один «старейшина», правильно услышав зал, сформулировал идею так, чтобы все сказали: «да, именно это мы хотели!» И потом этот старейшина садится напротив переговорщика один на один и говорит: я представляю интересы данных людей,

Тема номера. Фальсификация

я знаю, что они хотят, и они мне доверили вести разговор. Другой вопрос, если речь идет о длительных, сложных переговорах. Может возникнуть ситуация, когда либо энергии не хватает, либо не хватает какой-то информации. И если мы сказали Ассоциации: «Нужно вести борьбу с фальсификацией!» — и удовлетворенно разошлись... из этого ничего не получится.

— Но, мне кажется, у НПАА есть и другая проблема! Иван Тигранович не сможет все в одиночку тянуть: он же не юрист, экономист и так далее в одном лице. А сильных специалистов у него нет — они дорогие. И выходит, что НПАА сама по себе совершенно «голая» с точки зрения профессионализма. А значит, если мы хотим, чтобы Ассоциация действительно эффективно боролась с фальсификацией — нужен отдельный целевой проект. А пока его нет, пока нет центра финансирования — ничего не будет, кроме мелкой возни и громких слов.

— Абсолютно согласен. Я об этом давно говорил. И проектная форма была принята, уже где-то месяцев 9 назад.

— **Теперь нужно, чтобы несколько предприятий профинансировали проект, наняли отдельного менеджера, создали механизмы контроля. И почему этого не происходит?**

— От традиционной работы Ассоциации перейти к проектной форме не так просто. Пока нет достаточной энергии для ее реализации, многие не готовы финансировать...

— **Мне кажется, что многие не просто «не готовы», а не заинтересованы. Потому что и в НПАА есть целый ряд компаний, которые не гнушаются приторговывать фальшивками. Или я не прав?**

... (пауза)

— **Ладно. Выключаю диктофон...**

(содержание дальнейшей беседы по взаимному согласию сторон признано конфиденциальным)

Интервью провёл А. Горелов

Проблема фальсификации актуальна и для Европы. И хотя доля рынка, занятая подделками, там значительно меньше, проблема воспринимается значительно серьезнее и обществом, и государствами, и межгосударственными структурами.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

ПИСЬМЕННАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

в соответствии с правилом 51 Правил Процедуры

подписали: Arlene McCarthy, Janelly Fourtou, Toine Manders.
Mercedes Echerer и Marcelino Oeja Arburua

О борьбе против пиратства и подделки изделий в расширенном Европейском Союзе

Европейский Парламент,

В соответствии с правилом 51 Правил Процедуры, и

- A. в связи с тем, что пиратство и подделывание изделий в странах Европейского Союза достигли угрожающих размеров и далее распространяются со скоростью эпидемии,
- B. статистика Европейской комиссии показала увеличение количества пиратских изделий с 1998 по 2001 на 900% (по данным европейских таможенных служб),
- C. фальсификация изделий и пиратство ведут к среднегодовой потере 17 000 рабочих мест в странах ЕС и миллионным потерям правительств из-за неполучения налогов,
- D. потребителей вводят в заблуждение поддельными изделиями, что может привести к серьезной угрозе здоровью и безопасности,
- E. организованная преступная сеть, прикрываясь торговлей пиратскими и поддельными

изделиями, используют доходы от нее для распространения наркотиков и поддержки терроризма,

1. **призывает Европейский Совет и Комиссии** — гарантировать, чтобы согласно действующему законодательству и вновь принимаемым законами правилам, против любых нарушений интеллектуальной собственности и коммерческого использования поддельных изделий принимались строгие, согласованные гражданские санкции, вплоть до уголовной ответственности;
 - содействовать лучшей международной кооперации органов по контролю за выполнением и принудительным исполнением этих мер в странах ЕС, усилив влияние Европола в борьбе с поддельными изделиями и пиратством;
 - привлечь общественное сознание потребителей к тому факту, что пиратство и поддельные изделия являются уголовно наказуемыми преступлениями;
2. **Довести это обращение до сведения Президента, Совета, Комиссии и государств-членов ЕС.**